

Он говорил тихим, словно извиняющимся голосом — как будто боялся обидеть собеседника. Но все фразы его были продуманные и законченные, сложносочиненные. В разговоре с ним я часто ловил себя на мысли, что так, наверное, вели беседу интеллигенты ушедшего века. И в облике его, неспешной походке было что-то от предыдущих времен, неторопливых и спокойных, не шумных...

Таким память сохранила образ одного из ярчайших физиков нашего бурного столетия — Ильи Михайловича Франка. Его облик, казалось, не отвечал деяниям своего обладателя: одного из создателей (совместно с Таммом) теории излучения Вавилова — Черенкова, сделавшего революцию в современной физике элементарных частиц; человека, которому вместе с Д.И.Блохинцевым принадлежит идея (и ее реализация!!) создания новейших исследовательских реакторов на быстрых нейтронах, признанного классика науки, заложившего основы физики нейтронов. И трудно поверить, что эти дерзновенные идеи и деяния принадлежали человеку, который был так тих, будто бы прост и небросок... А может быть, тут и нет противоречия — просто в облике Ильи Михайловича сфокусировались и отразились черты его предшественников, предков... Семья Франк была носителем традиций российской интеллигенции, это относилось и к родителям, и к дяде (известному философу), и брату Франка.

Впервые увидеть Илью Михайловича мне довелось в 50-е годы, когда я был еще любознательным школьником. Это произошло в подмосковном Ново-Дарьино, где в поселке Академии наук были дачи и Франков, и на-

шей семьи. Мой отец в тот период плотно сотрудничал с братом Ильи Михайловича — Глебом Михайловичем (известным биофизиком) по вопросам создания Пущинского биологического научного центра. Во время одной из наших частых прогулок с папой по «бетонке» молодого тогда поселка и произошла первая для меня встреча с братьями Франк, которые остановились, чтобы договориться с Норайром Мартиросовичем о встрече в президиуме АН.

Мог ли я знать, что через несколько лет мне доведется попасть в Дубну и работать в непосредственной близости от Ильи Михайловича Франка. Позже я часто ловил себя на мысли, что в последующие годы Ильи Михайлович почти совсем не менялся: и облик, и движения, и манера говорить остались, по крайней мере в моем восприятии, как в тот летний день далекого 1958 года.

В период с 1968 по 1990 год, летом которого Илья Михайлович ушел из жизни, мне посчастливилось много общаться с этим исключительно глубоким, интеллигентным человеком, большим ученым. В 60—70-е годы он часто бывал на семинарах и дискуссиях в Лаборатории теоретической физики — по-видимому, сказывался их общий с Дмитрием Ивановичем Блохинцевым интерес к реакторам на быстрых нейтронах и к ряду перспективных направлений в физике конденсированного состояния вещества.

Меня всегда поражала глубокая интуиция, присущая Илье Михайловичу. Причем его интуиция распространялась не только на науку, но и на житейские ситуации.

Горько вспоминать, но однажды я не прислушался к совету Ильи Михайловича и способствовал приему на ответственный участок работы в Управлении ОИЯИ человека, которого Илья Михайлович характеризовал как «не интеллигентного»... Будущее подтвердило правоту И.М. Франка.

С другой стороны мне приятно вспоминать, что и я в свое время удачно порекомендовал Илье Михайловичу молодого талантливого теоретика из ЛТФ на руководящую работу в ЛНФ. Он не сразу согласился с моими доводами, но через некоторое время, уже поближе познакомившись с этим молодым человеком, признался, что очень доволен его работой и высоко ценит его и как ученого, и как человека. Имя этого ученого сегодня известно в научном мире — это Виктор Лазаревич Аксенов...

С болью вглядывался Илья Михайлович в последние годы своей жизни в намечавшийся развал российской науки. Его последняя статья, проникнутая заботой о сохранении науки, воспитании молодых научных кадров, была опубликована в газете «Дубна» незадолго до его кончины. Перечитывая эту статью сегодня, можно

только удивляться, как много Илья Михайлович предвидел из того, что произошло с нами в 90-е годы, а в конце 80-х нельзя было и предположить.

По своим взглядам Илья Михайлович не был «розовым» оптимистом, хотя элемент романтизма, мне кажется, ему был присущ, как и многим представителям этой замечательной плеяды ученых, определивших научно-техническое лицо 20-го века. В последние годы он часто говорил на философские и религиозные темы. Мне кажется, что это были не только естественные размышления пожилого человека, а результат многолетнего внутреннего процесса, происходящего в сознании и душе человека. В его философской позиции было много от толстовского «непротивления злу насилием». Я в этом имел возможность убедиться в горькие для моей семьи дни гибели моей дочери Ани.

Один из наших последних разговоров был в коттедже Ильи Михайловича (а мы жили по соседству) в присутствии отца Александра — настоятеля дубненской церкви Похвалы Богородицы. Илья Михайлович от философских размышлений перешел к судьбе нашего Института: «Очень трудно будет...». Какими пророческими оказались его слова! После этого разговора, который был весной 1990 года, я лишь раз видел Илью Михайловича в больнице Академии наук. В тот год я часто приходил туда навещать мою маму. Она очень уважала Илью Михайловича и сильно горевала, узнав о его кончине, ... а через несколько недель ее не стало.

Отпевали Илью Михайловича в храме неподалеку от дома, где он жил на улице Петровского в Москве. Был жаркий день. После гражданской панихиды в ФИАНе, где столько лет трудился Илья Михайлович, на Немецком кладбище закончился земной путь одного из замечательных ученых нашего времени...